

ЗВЕЗДНОЕ НАСТРОЕНИЕ

Удар тяжелой тростью об пол и громогласное, магически усиленное объявление церемониймейстера:

— Лорд и леди Арнел!

«Как же мне страшно», — полное паники мысленное от меня.

«Quod puritas!» — заклинание очищения от лорда Арнела, и пыль, паутина, тлен старинных тайных ходов облетают с нашей одежды, как прошлогодняя листва.

Я взглянула на дракона. В моем испуганном взгляде откровенно читалось: «Зря повернули направо», в его отстраненно-ледяном: «Я предупреждал, что следует идти налево». В любом случае этот провал был нашим общим.

Вспышки фотографических аппаратов, моя рука церемонно смещается из ладони лорда Арнела на сгиб его локтя, еще сотня вспышек фотоустройств, сфокусированных на помолвочном кольце, и тщетная надежда на то, что под маской с вуалью меня никто не узнает. Но надежды действительно оказались тщетны.

— Леди Арнел-Ваерти, какое отношение вы имеете к процессу «Генверт»?

— Леди Арнел, действительно ли профессор Стентон передал вам все свои научные открытия?

— Как вам удалось так удачно заполучить наследие Стентона? В чем ваша удача? Миледи, всего слово! Одно слово, миледи!

О, я могла бы высказать целую фразу, и эта фраза звучала бы так: «Мне удалось выжить», все остальное следствием удачи определенно не являлось. Совершенно не являлось. Абсолютно.

— Выставить оцепление. Убрать журналистов! — ОрКолин возник незаметно, но очень вовремя. — НакТард, командование на тебе.

Личная императорская гвардия, сверкая позолотой парадных доспехов, с возникшей проблемой разобралась молниеносно. Были отеснены газетчики, нас прекратили ослеплять вспышки магниевого порошка, распорядитель сделал вид, что возникновение гостей императора прямо из колонны на парадном крыльце вполне себе нормальное явление, никоим образом не кажущееся чем-то запредельным и неординарным. Маленький паучок, изгнанный с моего платья вместе с паутиной и пылью заброшенных тайных ходов, торопливо уполз в щель той самой колонны, из которой мы с таким оглушительным провалом возникли.

— Благодарю за вуаль. Вы были правы, это действительно в высшей степени удобно.

— Всегда рад услужить, — с холодной учтивостью произнес лорд Арнел.

Я никогда не задумывалась о том, что чувствуют два дуэлянта, скрещивая шпаги. Какие мысли проносятся в их головах в тот миг, когда напряженно звенит соприкоснувшееся железо. Что овладевает их сердца — желание победить или предчувствие поражения? Полнейшего болезненного поражения в случае, если

один дуэлянт существенно уступает второму в силе, сноровке, умении держать шпагу...

— Но представлять меня как леди Арнел все же не стоило, — сказала негромко.

Сопровождающий нас ОрКолин не упустил момента и позволил себе высказаться по данному поводу:

— Бель, как у мисс Ваерти у тебя не было бы и шанса появиться в императорском дворце.

Я промолчала, не желая продолжать дискуссию.

Зато лорд Арнел решил продолжить:

— О, поверьте, генерал, мисс Ваерти, несомненно, изыскала бы способ проникнуть в любое требуемое ей помещение. Как минимум путем трудоустройства. К слову, дорогая, я уволил вас с должности помощника городского архивариуса.

— Как вы узнали?! — потрясенно переспросила я.

— Это не составило труда, — безмятежно отозвался лорд Арнел, — достаточно было лишь внести в устав трудового кодекса пункт о необходимости состоять в браке.

И я остановилась.

Это выглядело не слишком достойно, учитывая, что остановилась я на пороге императорского дворца, но мои нервы были на пределе.

— Позвольте спросить, лорд Арнел, а это, случайно, не вы ли внесли пункт о необходимости холостого положения для младших следователей?

Взглянув на меня с ледяной насмешкой, градоправитель Вестернадана спокойно ответил:

— Нет.

Затем по его губам скользнула коварная ухмылка, и дракон добавил:

— Кристиан любезно сделал это для меня.

ОрКолин обернулся и остановился, взирая на застывшую меня. Вдалеке вернулись к масштабному сжиганию магниевого порошка назойливые газетчики, и все вокруг вновь озарилось вспышками фотоаппаратов, впереди нас ожидал наш главный враг, а я... я... я...

— Я не знаю, что я с вами сделаю после победы над Карио. Я правда не знаю, но, поверьте, вам это с рук не сойдет!

И, вскинув подбородок, я расправила плечи, выпрямила спину до боли и сообщила ОрКолину:

— Все, я готова.

Вот теперь действительно готова. Уже абсолютно ко всему.

* * *

Несколькими днями ранее...

«Дорогая моя, правильное утро в уважаемом доме начинается рано. Первым встает дворецкий, ведь кроме него, никто не смеет открывать входные двери, а молоко и утренние газеты доставляют на самой заре. Так же помни, прислуга — символ благополучия дома, те, кто позволяет леди вести достойный образ жизни. Когда у тебя появится свой дом, учти, что леди и джентльмены никогда не должны слышать голоса слуг».

В этот момент внизу раздался крик миссис Макстон:

— О нет, Бетси, требуется чайный сервиз, подходящий к случаю, а потому цвет должен быть исключительно голубой, несомненно, легкий принт и ажурная отделка... мм-м... Принеси из кладовой сервиз от «Тиффани».

Я невольно улыбнулась и перешла к продолжению чтения конспекта, который некогда вела по приказу матушки, записывая ее наставления.

«Слугам запрещено самим заговаривать с хозяевами».

Распахнулась дверь, заглянула Бетси и спросила:

— Мисс Ваерти, ну как, закончили?

Скорбно посмотрела на идеальный белоснежный лист бумаги с дорогим тиснением, на котором пока что имелась всего одна фраза: «Дорогая ма-тушка...»

— Я в процессе, — нервно солгала горничной.

Бетси кивнула и унеслась в кладовую.

Мне же пришлось вернуться к конспекту, который во времена моей юности мною же был весьма фривольно назван «Заунывным трактатом».

«Служащие никогда не должны высказывать свое мнение господам».

— Мисс Ваерти, — миссис Макстон появилась в незакрытых Бетси дверях, — я решила, что вы наденете это чудесное голубое платье, расшитое не менее чудесными васильками. И не спорьте!

Я не стала спорить, отчетливо зная, что это бесполезно, и вернулась к чтению:

«Слуги не должны разговаривать с другими слугами в присутствии работодателя».

— Но, миссис Макстон, — Бетси с коробкой, содержащей фарфоровый сервиз, показалась в дверях, — это платье прислала леди Давернетти! А вы помните, каким было прошлое платье, что пошили по эскизу леди Давернетти!

Что?! Кто прислал платье?!

Подняв голову, я удивленно посмотрела на горничную, но спросить что-либо не успела.

— Бетсалин, — чеканно и гневно произнесла миссис Макстон, — ступай на кухню!

Горничная юркнула прочь, мне же достался невозмутимый вопрос:

— Как продвигается дело с написанием письма вашей матушке?

— К сожалению, скверно, — с грустью призналась я.

— Мм-м, прискорбно. А что это вы читаете?

Домоправительница быстро пересекла пространство еще частично разгромленного кабинета, взяла со стола мой конспект и с интересом вчиталась в его содержимое.

— О, а ваша матушка определенно является женщиной, знающей толк в ведении домашнего хозяйства.

— Да, это так, — тихо ответила и с трудом подавила полный грусти вздох.

Я скучала по матушке, по отцу, по дому. Ранее в моей жизни были профессор Стентон и научные труды, коим я отдавала все свое время. За прошедшие шесть лет случилось столь много всего, но неизменным оставалось одно — каждый субботний вечер, сразу после пятичасового чаепития, я писала маме. Я не могла поведать о работе, которую проводили мы с профессором, но мне и так находилось что рассказать. И я писала, старательно выводя каждое слово и добиваясь той безукоризненности формулировок, словесных оборотов и каллиграфии, что, по мнению общества, должны быть присущи истинной леди. Мне хотелось верить, что когда-нибудь матушка простит меня и прочтет хотя бы одно мое послание, а потому я была упорна в своем стремлении.

С приезда в Вестернадан я перестала писать письма. Рассказывать о том, что все мои мечты обратились прахом, а наследование дома профессора превратило

меня в вечную пленницу Железной Горы, желания не было. Ко всему прочему до недавнего времени мне казалось, что и жизнь моя будет крайне непродолжительной — ровно до момента оглашения завещания профессора Стентона.

Но сейчас все изменилось.

«Ad sidera volare!» и огромный серебристый дракон, взмывающий в небо... Незабываемо. Это был один из самых прекрасных моментов в моей жизни. И самых сложных, в который мне пришлось полагаться не на силу профессора Стентона, не на мощь магии драконов, заключенную в камне-основании дома, а лишь на любовь лорда Гордана ко мне. На его преданность, доверие и надежду.

«Я не знаю, сумею ли я сделать вас счастливым, но я постараюсь сделать все для этого. И если вы любите меня, если вы действительно любите, я согласна стать вашей женой».

Его любовь защитила нас обоих, не оставляя и тени сомнения в искренности слов лорда Гордана. В свою очередь я собиралась сдержать собственное обещание, даже понимая все сложности воплощения задуманного в реальность.

А сложностей имелось огромное множество. Первой из них являлся лорд Арнел. Второй — лорд Давернетти и его матушка. Третьей — необходимость стать уважаемой леди в высшем обществе Вестернадана, для чего и были предприняты все возможные меры. Несомненно, следовало бы решать проблемы по мере их возникновения, но я совершенно не ведала, что могу противопоставить двум сильнейшим драконам Железной Горы, кроме обмана, недомолвок и магических уловок наподобие «Dazzle».

Но обо всем этом я подумаю позже, сейчас важно было достойно пройти первое испытание из череды обязательных брачных церемоний Вестернадана и... дописать письмо, сообщив матушке, что я, вероятно, вскоре стану достойной замужней женщиной.

Миссис Макстон с нескрываемой жалостью посмотрела на меня и произнесла:

— Мисс Ваерти, боюсь, от этого письма не будет никакого толка.

Вероятно, она была права, и все же...

— Если я перестану хотя бы пытаться, тогда толку действительно не будет. Но пока я делаю хоть что-то, остается надежда, что родители простят меня, — прошептала едва слышно.

Неодобрительно покачав головой, моя добрая экономка сделала неожиданно чудовищное признание:

— Мне больно вам это говорить, но все ваши письма родным сжигались прямо на серебряном подносе для корреспонденции. Их практически ежедневные письма к вам постигала та же участь.

Мои ладони дрогнули, сердце забилося от боли, и едва ли можно было бы утверждать, что я стоически выдержала этот удар. Но я попыталась. Села ровнее и задышала чаще, стремясь сдержать слезы.

Чудовищный вопрос «Почему?» и не менее чудовищный «За что?» потрясли. Но не меньшим потрясением стало и осознание того, что родители писали мне почти каждый день.

— Все шесть лет? — ошеломленно спросила я, все еще не в силах поверить, что профессор Стентон мог поступить со мной столь жестоко.

Обойдя стол, миссис Макстон успокаивающе коснулась моей ладони, а затем тихо призналась:

— Мы поняли это не сразу, ведь, как вам известно, мисс Ваерти, профессор поступал так со многими письмами.

Это было мне известно. Лорд Стентон относился к тем драконам, которые никогда не меняли принятых решений, и потому впавшие в немилость не имели никакой возможности оправдаться письменно — послания сгорали, едва их переносили за порог дома. А в умении сжигать дотла профессору не было равных. Утренние и вечерние газеты, важные письма, послания от коллег оставались нетронутыми, но неудобные письма становились пеплом столь быстро, что оказывались не способными воспламенить ничего более. Помнится, первое время я с живейшим интересом наблюдала за подобными явлениями на подносе для корреспонденции и как-то даже была застигнута профессором за крайне нетривиальным занятием — попыткой зажечь свечу от горящих ярким пламенем писем.

«Моя дорогая Бель, — произнес тогда профессор, — мне всегда казалось, что вам есть чем заняться в этом доме».

О да, занятий было превеликое множество, но воистину, знай я тогда, что на этом подносе, возможно, сгорают письма от моих родителей, я повела бы себя не столь беспечно.

— Не могу поверить, — растерянно прошептала, глядя на лист передо мной.

— Мне очень жаль, — миссис Макстон ободряюще коснулась моего плеча.

Однако, боюсь, в этой ситуации утешения были бесполезны. Чем больше я об этом думала, тем большее становилось. И оставалось радоваться лишь тому, что ночь я проведу в поместье Арнелов и на слезы и сожа-

ления времени у меня не будет. А завтра, завтра, я надеюсь, мне станет легче.

И тут в дверь вновь заглянула Бетси и сообщила:

— Миссис Макстон, эта коварная женщина обманула вас самым коварным образом. Вы видели платье?

— Несомненно, видела, Бетсалин! — возмутилась домоправительница. — Разве я могла бы его одобрить, не посмотрев?

Ничуть не устранившись грозного вида миссис Макстон, горничная язвительно посоветовала:

— А вы бы надели очки да посмотрели повнимательнее. Мисс Ваерти, однотонное синее платье?

— Да, но после твоих слов мне хотелось бы взглянуть на наряд, присланный леди Давернетти.

Поднявшись и обойдя стол слева, чтобы не задеть остолбеневшую миссис Макстон, я устремила за Бетси в свою спальню — охранные заклинания на окнах, новая кровать, сменный балдахин над кроватью, как и весь постельный гарнитур, способствовали моему успокоению, так что отныне я вновь ночевала там.

Бетси, всегда отличающаяся резвостью и энергичностью, поспешила развернуть, видимо, вновь упакованное в коробку платье и приподняла его, держа на вытянутых руках. И вот тогда мы с миссис Макстон с изумлением узрели невероятную каверзу со стороны семейства Давернетти! Платье, казавшееся изящно расшитым невинными васильками, на деле было украшено так, что васильковая вязь складывалась в надпись: «Я люблю вас, Кристиан!»

И на этом драконье коварство не иссякло!

«Я люблю вас, Кристиан!» — значилось на кружеве, скромно прикрывающем линию декольте.

«Я люблю вас, Кристиан!» — складывалось стежками на поясе, подчеркивающим талию.

«Я люблю вас, Кристиан!» — было выписано множество раз по кругу на подоле.

— Говорила же — очки наденьте! — торжествующе высказалась Бетси.

— Это... возмутительно! — воскликнула миссис Макстон.

В этот момент внизу послышался стук, после открылась дверь, и мистер Уоллан объявил:

— Доктор и миссис Эньо!

Приложив пальцы к занявшим вискам, я приняла решение:

— Бетсалин, ты совершенно права, мое строгое синее платье для данного случая подойдет идеально.

— Но оно совершенно не праздничное! — возмутилась миссис Макстон.

— Согласна, — была вынуждена признать, — но я абсолютно не желаю устраивать праздник для лорда Давернетти, так что обойдемся унылой повседневностью — она мне гораздо милее, чем этот недопустимый наряд. Бетси, моя ванна готова?

— Да, мисс Ваерти, но, чую, надо бы туда добавить масла мятного и этой, как ее, лаванды.

— Да, и побольше, — поддержала миссис Макстон.

И, не дожидаясь ответа, торопливо вышла из моей спальни, прихватив коробку со злополучным платьем. Мы проводили ее разгневанный шаг сочувственными взглядами, но сами ничуть не расстроились, потому как единственной, кому понравилось данное платье, была сама миссис Макстон, остальные не одобрили данный наряд исключительно по одной причине — его прислала леди Давернетти.

* * *

К моему искреннему сожалению, Бетси несколько переусердствовала с мятным маслом, из-за этого теплая вода ощущалась скорее как ледяная и существенно холодила кожу. Отдохнуть в теплой ванне не вышло, а вот продрогнуть вполне. Торопливо вытершись, я надела халат, расчесала влажные волосы и покинула ванную, чтобы потрясенно застыть на пороге.

По моему сложившемуся после общения с миссис Энью мнению, эта женщина абсолютно всегда носила с собой набор для вязания. Однако, как оказалось, добрая жена доктора считает так же уместным и набор для вышивания хранить в необъятных глубинах своего ридикюля. В целом ридикюли женщин Севера начинали уже несколько пугать — у миссис Макстон там с незапамятных времен в запасе хранились свинцовые пудреницы, у миссис Энью — неисчерпаемый запас для рукоделия. И этому набору сегодня определенно нашлось применение.

— Сейчас-сейчас, — приговаривала супруга врача, со сноровкой, достойной восхищения и хирургического стола, орудуя скальпелем над расчлняемым платьем, — это распорем, тут добавим. Миссис Макстон, продели серебряную нить в ушко иглы?

Оставалось только гадать, известно ли доктору Энью о том, что один из его скальпелей хранится в ридикюле миссис Энью.

— Да-да, уже почти, — ответила моя домоправительница, старательно продевая нить.

Платье леди Давернетти, разложенное на столе, явно принесенном из кладовой, беспомощно ожидало своей участи, куски отрезанной скальпелем ткани от-

летали на пол, вид в целом был крайне удручающим. Впрочем, возможно, это было лишь моим субъективным мнением — мои мысли снова и снова возвращались к письмам от родителей. Отчего-то мне не было жаль моих стараний и посланий, но осознавать, что отец и матушка, не забыв обо мне, писали каждый день... Это осознание было сокрушительным. Но все что я могла сделать сегодня — гнать прочь от себя эти мысли. А завтра, вернувшись из поместья лорда Арнела, я непременно допишу это письмо и укажу новый адрес своего проживания. И мне будет больно, но это тоже будет завтра.

Потоптавшись на пороге и осознав, что поглощенные разрушением чужих коварных замыслов дамы не замечают меня вовсе, я вежливо произнесла:

— Добрый день, миссис Эньо.

— О, мисс Ваерти! — воскликнула та, не поднимая головы и продолжая кромсать кружево. — Надеюсь, вы в тапочках?

— Вы напрасно покинули ванну, моя дорогая, — тоже не поднимая головы и снабжая уже шестую иглу серебряной нитью, сказала миссис Макстон. — Полежите, отдохните, согрейтесь.

— О, — миссис Эньо подняла голову и впервые посмотрела на меня, — а может, мне позвать доктора Эньо? Что-то вы бледны, моя дорогая. Снова простудились?

Я лишь улыбнулась, вовсе не собираясь разбивать в прах ее искреннюю веру в то, что трансформация лорда Гордана привела лишь к легкой простуде, а не к жесточайшему воспалению легких, и поспешила успокоить:

— Со мной все в полном порядке, благодарю вас за заботу.

По правде говоря, о случившейся пневмонии не ведала даже миссис Макстон, иначе никто попросту не позволил бы мне подняться с постели. К счастью, в ту злополучную ночь доктор Эньо успел восстановить свой магический резерв и поутру спешно излечил меня, успев до того, как болезнь распространилась. Однако для меня до сих пор оставалось крайне неприятным осознание, что мой организм настолько слаб. Слишком много времени я провела с драконами и несколько позабыла о человеческих крайне ограниченных возможностях.

Стук во входную дверь, и едва мистер Уоллан открыл гостям, которые внезапно явились на три четверти часа ранее оговоренного времени, мы с миссис Макстон лишь взволнованно переглянулись. Но тут внизу послышалось:

— Леди Давернетти, лорд Давернетти, проходите в гостиную, я уведомя мисс Ваерти о вашем приходе.

Это оказались совершенно не те гости, которых мы ожидали!

— О, что вы, не стоит, — тут же прозвенел голосок леди Давернетти. — Моему сыну можно подать чай и даже виски, я же обойдусь без сопровождения, не утруждайте себя, я прекрасно дойду и сама.

И не обращая внимания на попытавшегося возразить мистера Уоллана, леди Давернетти — а судя по перестуку каблуков традиционных туфелек, это была именно она — поспешила к нам. И странное дело, ранее миссис Макстон непременно вышла бы навстречу незваной гостье, преградив путь. Ранее, но не сейчас.

Не в тот момент, когда моя миссис Макстон была в ярости.